

Н. Черныш
д.с.н., проф., зав.каф. истории и теории социологии
Львовского национального университета
имени Ивана Франко

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УСЛОЖНЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИОЛОГИИ

УСЛОЖНЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОЦИОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы глобализации, набравшие силу в последней четверти XX столетия, не только детерминировали возникновение специальной междисциплинарной науки об этих феноменах - глобалистики, но и обусловили потребность размежевания предметных полей социогуманитарных дисциплин. В этих условиях проблемой выступает выделение специфики собственно социологических рефлексий касательно глобализационных трансформаций с определением главной единицы анализа – единой глобальной системы как нового качества развития социальных структур и социальных отношений, формирующейся на планетарном уровне и охватывающей все человечество.

Разрешение этой проблемы, к сожалению, является не только далеким от своего завершения, но и приобретает новые черты неопределенности – черты, имеющие способность мультиплицировать и в зависимости от избранных характеристик исследуемого предмета, и от той или иной позиции социолога, который их исследует.

Начнем с того, что однозначного понимания сущности, содержания, причин, направленности глобализационных процессов в мировой социологической мысли еще не сформировано и, наверное, не будет сформировано никогда. Определенного соглашения социологи мира, возможно, достигают в убежденности, что эти процессы приводят к формированию единой глобальной системы [1]; на этом зона консенсуса практически исчерпывается. Устоявшимися практиками социологического анализа глобальных трансформаций является концентрация исследовательского внимания на каком-то одном отдельном их аспекте (чаще всего на экономико-финансово-торговом или технологическом; в последнем случае акцентируется на все более возрастающей роли информационно-коммуникативных технологий); на дальнейшем разделении мира на богатых и бедных; на поиске ответов на умножающиеся угрозы и риски; на тревожных размышлениях по поводу оживления радикального фундаментализма и т.д.

Одним из первых в среде социологов, комплексно рассмотревших вызовы современности в их глобализационном аспекте, был американский социолог Нейл Смелзер. В своих Георг-Зиммелевских лекциях, прочитанных им в 1995 г. в Германии, он, во-первых, очертил три уровня социологии в соответствии с

микро-, мезо-, макрообразованиями, процессами и явлениями, характерными для отдельного общества в его национально-государственных границах; во-вторых, обосновал появление четвертого уровня – мегауровня, в котором находит свое воплощение всемирное сообщество, формирующееся сегодня в границах земного шара; в-третьих, предложил название отдельной социологической дисциплины для изучения этого качественно нового типа образования – “глобальная социология”. Однако у Смелзера еще нет однозначной трактовки предмета исследований этой глобальной социологии; он обращался к одновременному использованию таких понятий, как “всемирное общество”, “мир”, “мировая система”, “международное сообщество”. Наиболее адекватным смелзеровскому пониманию предмета глобальной социологии все же можно считать понятие “мировая система”, которое он считает возможным описать через анализ ее основных единиц. “Возможно, - отмечает Смелзер, - в центре определенных линий анализа должен лежать именно характер отношений между нациями (-государствами. – Н.Ч.) и иными образованиями” [2]. Соответственно, на его взгляд, должны быть пересмотрены, уточнены, модифицированы или изменены те понятия, которыми социология пользовалась в конце XIX – на протяжении чуть ли не всего XX столетия. В частности, нация-государство, утрачивающая, по словам Смелзера, свой трон, должна быть заново определена как менее автономная, неоднородная реальность, а анализ причинно-следственного взаимодействия между экономическими, политическими, социальными и культурными силами должен осуществляться не столько на внутренних, сколько на внешних уровнях. Поэтому нации-государства в эпоху глобальных трансформаций целесообразнее рассматривать как зависимые, проникающие элементы определенной системы высшего уровня – всеохватывающей мировой системы. Кроме всего прочего, для Н. Смелзера это означает также потребность изобретения новых методологии и методов компаративного анализа.

Приблизительно в то же самое время другой, не менее известный ученый, Энтони Гидденс в своих известных тезисах о будущем социологии также аргументировал потребность удвоения научных предпочтений социологов. Он призывал их изучать не только национальное государство как “олицетворение общества” с его эндогенными факторами, но и систему государств с присущими ей взаимосвязями и взаимодействиями, где действуют преимущественно экзогенные факторы. Гидденс считал, что социологи должны рассматривать внутренние процессы развития каждого национального государства в контексте и с учетом внешних процессов в такой системе национальных государств. Ученый акцентировал на том, что одна из тенденций развития социологии в будущем будет по необходимости связана с внимательным изучением мировой системы с такими ее ключевыми характеристиками, как возрастающая сложность международного разделения труда, распределения власти, международного военного порядка и т.д. [3]. Все эти явления оказывают влияние на развитие отдельных государств-обществ и определяют его траекторию; именно поэтому они не могут не входить в широкое предметное поле современной социологии.

Эти две работы известных социологов сегодня можно рассматривать как прелюдию к формированию глобальной социологии, поскольку по своему характеру приведенные положения все же больше соответствуют такой субдисциплине в границах глобальной социологии, как социология международных отношений.

Наверное, наиболее последовательным сторонником социологического осмысления собственно глобализационных процессов можно считать Ульриха Бека, который в 1997 г. издал свое известное произведение “Что такое глобализация?” В нем он разделил историю существования социологии на два периода: период так называемой “контейнерной социологии” Первого модерна и период формирования социологии нового типа – социологии Второго модерна, или социологии эпохи глобализации. С самого начала своего возникновения социология была нацелена на изучение общества, обрамленного, как стенами контейнера, границами национального государства. Это государство выступало и главным актором международных отношений. С точки зрения многих зарубежных ученых, и общество, и социологи застряли в зарослях “территориальной ловушки” отождествления национального государства и общества. У. Бек делает акцент на том, что аксиоматика построенной на национально-государственных принципах социологии Первого модерна в дискуссиях последних лет была с очевидностью расшатана именно под влиянием разворачивания и усиления процессов глобализации [4]. Вызванные ими трансформации принуждают современных социологов переосмысливать свои взгляды в новых понятиях и по-новому взглянуть на многообразие необъятного мира – мира без границ с его новыми транснациональными пространствами и новыми измерениями времени, которое в одинаковой степени и сжимается, и расширяется, и даже возвращается в неизведанных ранее образах, придавая очаровательный налет афористичности традиционно употребляемым понятиям. Вспомним хотя бы известное определение современности: богатые живут во времени, а бедные – в пространстве¹.

С тех пор прошло более десяти лет, и существование глобальной социологии стало общепризнанным фактом. Но вместо выработки определенной согласованности между социологами появились новые и новые проблемы; одной из наиболее характерных в этом плане можно считать способ понимания и исследования этой возникающей у нас на глазах единой глобальной системы. Сегодня в мировой социологической мысли концептуализация мира как единой системы сосуществует со множеством попыток и подходов к ее пониманию – а это, собственно говоря, и провоцирует возрастание степени неопределенности в рядах социологов. Поэтому именно проблематика, связанная с социологическим осмыслением глобальных трансформационных процессов, как никакая иная, актуализирует тему нашего конгресса.

¹ Кстати, отвечая известному противнику метафор в социологии проф. Е.И. Головахе, следует заметить, что приведенное выражение довольно легко, на мой взгляд, поддается верификации через социологическое исследование и вполне обладает правом на существование в корпусе социологического теоретизирования.

В этом многоголосом хоре представляется возможным отметить прежде всего попытку размещения теорий глобализации в общей структуре социологического знания на третьей, постклассической стадии развития социологии сразу же за теориями постиндустриального общества². Однако среди социологов есть и такие, кто выделяет такого рода теории в качественно отличную от предыдущих новую, отдельную стадию социологического теоретизирования, в рамках которой даже сам термин “глобализация” не является на сегодня социологически кодифицированным понятием³. Представители этого второго лагеря ученых считают, что для понимания глобальной мировой системы неприменим арсенал всей предыдущей социологической мысли в силу уникальности этой мегасистемы с ее эмерджентными особенностями, не позволяющими сводить ее свойства к свойствам ее составляющих систем. Особняком стоят те работы социологов, в которых исследовательская задача упрощается вследствие осуществления простой и прямой экстраполяции внутринациональных процессов, явлений, структур, институтов и т.д. на глобальный уровень.

Однако, как мне представляется, в исследованиях сравнительно новых для социологии глобальных трансформационных процессов невозможно ни безусловно отрицать значимость теоретических поисков предшественников, ни абсолютизировать, ни упрощать их. Можно говорить (как это доказательно делает уже упомянутый Т. Цимбал) о релевантности понятий классической социологии для изучения глобализации, однако со многими добавлениями и комментариями, вызванными изменившейся социальной реальностью. Наконец, необходимо и возможно выходить за пределы уже созданных и апробированных в среде социологов классификаций и типологий с целью выработки нового измерения исследуемых процессов, альтернативных идей, современного прочтения и осмысления социологической классики, когда давно известные понятия и принципы выявляют свои эвристические, прежде латентные, свойства.

На мой взгляд, большинство теоретических попыток определения современной мировой системы представляется целесообразным разместить вдоль горизонтальной оси, полярными точками которой являются “всемирный Гемайншафт” (выражение Роланда Робертсона) и “всемирный Гезельшафт” (модернизированное выражение Фердинанда Тенниса, их творца). Сам Ф. Теннис применял понятия “Гемайншафт” и “Гезельшафт” для обозначения современного ему перехода от общности к обществу в его национально-государственных границах. Однако в его работах содержатся прозрения касательно возможности выведения этой дихотомии (“общность-общество”) на

² Например, усилиями известного российского социолога Г. Зборовского в структуре социологического знания выделяются пять метапарадигм с их последующим членением на две группы по критерию соотношения с социологической классикой; соответственно теории глобализации замыкают третью метапарадигму в рамках оновленных версий классической социологии. – см.: [5].

³ См. наработки Т. Цимбала и авторскую классификацию теорий глобализации в его диссертационной работе [6].

глобальный уровень. Теннис прежде всего подчеркивает, что в будущем такая чистая форма социальности, как Гезельшафт, имеет потенцию распространения во всем мире за счет создания мирового рынка; за этим последуют устранение множественности государств и учреждение единой мировой республики (как единого государства в мировом масштабе), совпадающей по протяженности с мировым рынком. Однако творец упомянутой дихотомии вовсе не отрицал возможности выхода социальных связей по типу Гемайншафт на такой же всеобщий уровень; известно его выражение: “В наиболее общем смысле вполне можно говорить об общности, охватывающей все человечество” [7]. Таким образом, Ф. Теннис допускал перевод отношений по мере развития человечества в глобальное измерение, где приоритет все же будет принадлежать такой форме социальности, как всемирный Гезельшафт ⁴.

Современные толкователи наследия Ф. Тенниса, на мой взгляд, излишне упрощают его идеи касательно соотношения общности и общества. Так, например, автор послесловия к изданию основной работы Ф. Тенниса “Общность и общество” А.Ф. Филиппов считает, что, “...конечно же, как чистые конструкции оба члена дихотомии исключают один другой” [9]. Однако в творческом наследии Тенниса означенная дихотомия вовсе не имеет такой однозначной направленности на уничтожение одной из ее составляющих. Ведь действительный смысл понятия “дихотомия” как раз и предполагает деление какого-либо целого на две части; сведение же целого к одной из составляющих лишает смысла существование самой дихотомии. Другими словами, следует либо избегать применительно к учению Ф. Тенниса об общности и обществе термина “дихотомия”, либо согласиться с тем, что в реальности, в конкретные исторические эпохи имеет место изменчивое соотношение обеих частей этого целого – того или иного “контейнерного”, по выражению У. Бека, общества либо человечества в эпоху глобализации.

Таким образом, общности, при внимательном прочтении работ Тенниса, сохраняются и в современном глобализирующемся мире, поскольку еще живы взаимное эмоциональное тяготение людей друг к другу, органическая связь между ними, естественная совместная жизнь, связь в силу душевной настроенности, духовная дружба как род незримой местности и т.д. Очевидно, употребляя именно такую современную оптику при исследовании наследия Ф. Тенниса, известный социолог Пиотр Штомпка описывает глобальную систему типа Гемайншафт таким образом: это планетарное образование с признаками общности, возвращающее людям радость, происходящую без отказа от благ современности и глобализации ⁵.

⁴ В построениях Тенниса берет верх такая линия: скорее всего будут созданы интернациональное общество и мировое государство. В то же время он не исключает и существование национальных государств, надстроенных над Гемайншафтами [8]. Однако тема государства и его будущего – отдельный предмет исследования наследия Ф. Тенниса; эта тема не менее плодотворна, на мой взгляд, нежели проблематика общности и общества.

⁵ Собственно анализом нового типа доверия – доверия в условиях разворачивания глобализационных процессов – и должна заниматься новая субдисциплина в пределах глобальной социологии – социология доверия. Штомпка подчеркивает в связи с этим: «Глобализация, вызывающая эрозию доверия на локальном

В пользу такого заключения можно привести следующие соображения. Под воздействием глобализации общность/Гемайншафт изменяет свой характер, оставаясь органическим единством людей, но теперь уже часто живущих в разных странах мира или мигрирующих в поисках работы либо развлечений. В этом случае общности становятся транснациональными и имеют потенцию к расширению – количественному, пространственному и др. В определенных условиях (например, в большом городе) традиционные общности сжимаются, уменьшаются в размерах, напоминая, по образному выражению Зигмунта Баумана, “пучок обрезанных болтающихся веревок” [11]. Далее, общности эпохи глобализации формируются все более на культурной почве, становятся “менее социальными” и одновременно “менее примордиальными”. Они, как это удачно показал в своих лекциях (в частности, о семье в эпоху глобализации) на британском радиоканале BBC Энтони Гидденс, имеют способность обновления, модификации, осовременивания, изменения функций и т.д. [12]. Еще одна их новая особенность состоит в том, что в царствование Интернета общности становятся виртуальными, воображаемыми, но все так же объединяющими людей в подлинной совместной жизни вдали от соображений расчета и достижения цели любыми средствами. И это только наиболее очевидные проявления нового всемирного Гемайншафта эпохи глобализации.

Вот сейчас Владимир Александрович Ядов воскликнул: “Всемирная деревня”! Да, конечно, этот термин Маршалла Маклюэна знаком нам еще с 1960-х годов; именно им известный канадский полемист назвал то сообщество, которое формировалось тогда под воздействием новых информационно-коммуникативных технологий. То есть уже полстолетия спустя после появления этого крылатого выражения Маклюэна мы наблюдаем процесс деконструкции и реконструкции традиционных общностей, существовавших в недрах нации-государства, и их все более заметное присутствие (в обновленном или сильно измененном виде) в современном мире. Хочу только добавить, что если традиционные общности имели свою преимущественную привязанность к деревне с ее расширенной семьей, кровнородственными связями и др., то современные глобальные общности типа Гемайншафт не имеют такой пространственной локализации - они все чаще обитают в транснациональных пространствах. Л. Прис определяет последние как плуролокальные поля деятельности, структурирующие повседневный жизненный мир, социальные позиции, трудовые траектории, биографии и человеческую идентичность. Эти поля существуют над и вне социальных контекстов национальных государств [13].

К полюсу теоретизирования по поводу всемирного Гемайншафта вдоль упомянутой горизонтальной оси, очевидно, можно считать приближенными концепцию мирового морального сообщества (в работе Вендела Белла под

уровне, вместе с тем создает механизмы, направленные на обновление доверия на новом глобальном уровне» [10].

названием “The World as a Moral Community”) и подобные ей. В них прослеживается процесс становления такого сообщества, в котором люди разных стран приходят к нравственному консенсусу по конкретным проблемам, что и является цементирующей силой для их объединения. Возникновение таких сообществ, к примеру, и их выход на глобальный уровень прослеживает также Амицаи Этциони [14].

Несколько далее по этой горизонтальной оси всемирного Гемайншафта, однако на более высоком уровне вертикальной оси координат можно разместить концепцию глобального гражданского общества. Здесь наиболее известны наработки Мери Келдор, прежде всего ее книга “Global Sivil Society”, а в Украине этой проблематикой активно занимается Виктор Степаненко. В одной из своих статей на эту тему он подчеркивает, что глобальное гражданское общество можно определить как демократическую альтернативу “глобализации снизу” в ответ на “глобализацию сверху”. Одновременно он предостерегает от прямой аппликации гражданского общества, существующего в границах определенной страны, на глобальное пространство. Безусловно, определенные черты сходства традиционного и глобального гражданского общества, их историко-генетической преемственности заметны и узнаваемы. Однако глобальное гражданское общество обладает совокупностью качественно новых качеств и характеристик. Прежде всего оно уже является реальным актором современной международной политики. Этот актор теперь уже в состоянии создать альтернативу и даже нейтрализовать наличные конфигурации глобальной власти и правления, выдвигая и лоббируя альтернативные ценности. К такой особенности В. Степаненко добавляет формирование новых ценностей и этоса глобальной ответственности, новых форм и практик гражданского участия и солидарности в разрешении глобальных проблем человечества и другие особенности, часто внутренне противоречивые и не имеющие односторонне позитивной коннотации [15].

На другом полюсе оси представлены теоретизирования ученых, которые, наоборот, считают, что глобализация стимулирует создание глобальной системы типа всемирного Гезельшафта. Это такая мировая система, которая будет базироваться на новом мировом порядке, мировом государстве и мировых органах поддержания порядка, а также заниматься упорядочиванием отношений между различными обществами, группами и индивидами⁶. Примером здесь может быть позиция Питера Дракера, выступающего за необходимость формирования глобальных политических структур и наднациональных органов власти с учетом разнонаправленности развития мирового хозяйства и динамики политических процессов [16]. В отечественной социологии этими вопросами сейчас занимается и Виктор Бурлачук, который в свежем номере нашего главного социологического журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” поместил статью, последнюю строчку которой я процитирую: “Глобализация означает денационализацию и возможную

⁶ В характеристике Гезельшафта у Тенниса преобладают возрастающая рациональность, контракты, государственное насилие. Однако именно государство, по его мнению, необходимо присуще Гезельшафту.

трансформацию национального государства в государство транснациональное” [17].

Близкими к этому второму полюсу мне представляются концепции транснационализации классов (Р. Склейр), несколько более удаленными – идеи создания всечеловеческой демократии (Д. Хелд).

В центре этой горизонтальной оси между всемирными системами разного уровня организованности и рациональности возможно поместить интересный конструкт, нашедший свою разработку в новой книге украинского социолога Павла Кутуева “Путешествие на Восток: переОРИЕНТация современного социологического дискурса”. Опираясь на опыт подъема Восточной Азии, он пишет о демократическом государстве, содействующем развитию, так: этого типа государство предусматривает не только его кооперацию с определенными классами и слоями, но и (что важнее) сотрудничество с институтами гражданского общества, которые оперируют в системе координат публичной власти [18]. Заметим попутно, что подобную метаморфозу государства не отрицал и Ф. Теннис. Он именовал гезельшафтное государство машиной, а гемайншафтное, могущее в принципе возникнуть, - как этический организм либо как организованный народ. Именно эти его соображения и определили, в общем-то, предложенную мною классификацию.

Однако согласимся, что множественность трактовок глобализации, необходимость осведомленности с многообразными классическими и в особенности новейшими достижениями в области мировой социологической мысли, лишенной привычного европоцентризма, потребность адаптации мультиплицированных концептов к условиям собственного общества в эпоху глобализации резко усиливают ситуацию теоретической неопределенности в социологии.

Эту ситуацию не спасает стремление экс-президента Всемирной социологической ассоциации (видите, глобализация уже добралась и до нашего академического сообщества) А. Мартинелли предложить определенный теоретический синтез в понимании глобализации и развития мирового общества. Хотя он пессимистически отмечает, что в начале XXI столетия всемирное общество как универсальное глобальное общество еще не существует и вряд ли будет существовать в обозримом будущем, ему все же ближе к сердцу не идея Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций, но ее альтернатива. Он имеет в виду мирное сосуществование и плодотворное крос-культурное оплодотворение (опасный термин: а кто будет оплодотворять? Каким образом? Кто будет в ответе за ребенка? и т.д.). Мир он видит как ассоциацию сообществ, основанных одинаковой мерой и на власти закона, и на глобальном проекте взаимоуважения и мирного сосуществования [19]. Насколько эвристичным является его предложение, судить трудно; мы помним еще попытку Талкотта Парсонса ввести в научный обиход так называемое кентавр-понятие “социетальная общность”. И в этом плане я вполне солидарна

с А. Филипповым, который в продолжение этой идеи предлагает не менее оксюморонное понятие “гезельшафтный Гемайншафт” [20].

Словом, во-первых, крайнее усложнение социальной ткани спровоцировало, как результат, множество ее измерений, которые фиксируются социологами разной теоретической приверженности и пространственной принадлежности в теориях разного уровня и направленности. Высказанные выше замечания касаются прежде всего предметного поля социологии глобализации. Как видим, здесь представляется возможным выделить целый ряд методологических позиций относительно того, что же именно следует изучать, на чем сосредоточить внимание исследователей.

Однако не меньше неопределенности добавляет, во-вторых, и ситуация в рядах самих социологов, отмечаемая прежде всего руководителями международных социологических сообществ. Нешуточные дискуссии разгораются между, например, президентом и вице-президентом Международной социологической ассоциации М. Веверкой и М. Буравым, М. Буравым и А. Мартинелли, споры (теперь уже заочные) между тем же самым Буравым и Пьером Бурдьё и т.д. Эта ситуация касается уже не глобализирующегося мира, сколько позиции самих социологов – позиции, занимаемой ими в социологическом содружестве и в своем обществе.

Приведем прежде всего две полярные точки зрения по вопросу о том, кто именно из социологов и каким образом может быть привлечен к созданию одной из новейших версий мирового развития – глобальной социологии. Один из наиболее известных социологов современности Пьер Бурдьё высказал соображение, что эту новую социологическую дисциплину должна создавать небольшая группа интеллектуалов, так называемый Интернационал интеллектуалов – известных международных деятелей, борцов за социальную справедливость против тирании неолиберализма. Эти интеллектуалы должны подняться над тем, что их ограничивает, и создать новую социологическую науку – глобальную социологию [21].

Иной точки зрения придерживается не менее известный в социологических кругах Майкл Буравой – действующий вице-президент Международной социологической ассоциации. Он делит социологов на принадлежащих к доминирующей в социологическом мире школе США и других стран так называемого богатого глобального социологического Севера, тогда как социологи таких стран, как Индия, Китай, Бразилия, Россия⁷ отождествляются с бедным глобальным социологическим Югом. М. Буравой считает, что первая группа социологов в анализе глобализационных трансформаций отличается абстрактным универсализмом, тогда как вторая высказывает сомнения по поводу универсализма, выдвигает партикуляристские претензии и акцентирует на важности контекста [22]. На примере работ представителей обоих лагерей, посвященных проблемам глобализации, он

⁷ Как видим, украинские социологи здесь даже не упоминаются.

называет их основные достижения и призывает социологов учиться друг у друга. М. Буравой отрицательно относится к идее П. Бурдьё о строительстве глобальной социологии “сверху” знаменитыми и обладающими совестью социологами и предлагает учитывать голоса социологов “снизу” с их специальными интересами с тем, чтобы “голоса периферии брали равноправное участие в дебатах центра” [23]⁸.

Тот же самый М. Буравой вводит еще один сюжет в проблему социологов - исследователей процессов глобальных трансформаций. С его легкой руки предлагается разделение социологии (и, соответственно, социологов) на четыре чистых типа: согласно критерия инструментально ориентированной социологии – на профессиональную и прикладную, по критерию уровня рефлексивности – на критическую и публичную социологии⁹.

В эпоху глобализации, подчеркивает Буравой, возникает вопрос: как должны социологи перед угрозой третьей волны экспансии рынка защищать интересы общества? По его мнению, существует четыре перечисленных выше альтернативы; к одной из них – публичной социологии – он испытывает наибольшие симпатии и надежды. Публичный социолог, считает Буравой, напрямую работает с публикой, обогащает ее разум во время публичного диалога, изобличает связи власти и рынка, занимает активную позицию в общественной жизни. Он может быть переводчиком, коммуникатором, посредником, связывая в единое целое, например, локальные движения экологов поверх границ разных стран. Основная цель публичного социолога – защита прав человека (как в сфере труда, так и в социальной сфере). “Права человека требуют, - пишет он, - чтобы с людьми обращались как с целью, а не средством, чтобы в потенции формировались сообщества для самореализации на путях симметричной взаимности и взаимного признания” [24]. Такие сообщества, содействующие расцвету человека, можно считать одним из проявлений всемирного Гемайншафта, а это, в свою очередь означает, что социологи сами непосредственно могут принимать участие и в создании общностей нового типа, и в их анализе. Кроме того, такого рода сообщества/общности становятся ростками глобального гражданского общества, цементируемого борьбой за права человека в конкретных контекстах.

В идеале, конечно же, обществу нужны все четыре разновидности социологии. Однако на практике развития национальных школ социологии мы видим, что в разных странах конфигурация и сочетание этих социологий различны. Не вдаваясь в пересказ чрезвычайно интересной статьи М. Буравого, упомяну только его мнение о социологах России как страны, находящейся в непосредственной близости к Украине. Буравой, некоторое время работавший в России, отмечает: “Я видел, как русские социологи предлагают свои умения корпорациям и политикам – после взлета публичной социологии времен

⁸ Здесь мы встречаем еще одно аналоговое употребление понятий, теперь уже из лексикона Э. Валлерстайна; печально только, что мы опять оказываемся на маргине мира мировой социологической мысли.

⁹ Сам М. Буравой признает несовершенство и неполную смысловую адекватность термина «публичная»; в украинском, более удачном, на мой взгляд, переводе я предпочитаю говорить о “громадській соціології”.

перестройки” [25]. Таким образом, российскую социологию он позиционирует как преимущественно прикладную, со слабой традицией профессиональной социологии. Сейчас эта прикладная социология, основанная преимущественно на исследованиях, быстро пошла от исчезающего в России гражданского общества на службу рынкам и политикам [26]. Слабым утешением нашим российским коллегам может служить то, что об украинской социологии в этих дебатах вообще ничего не говорится.

Новую ноту в дискуссию касательно позиции самих социологов вносит президент Международной социологической ассоциации Мишель Веверка. Сначала он замечает, что Майкл Буравой воодушевлялся идеями Антонио Грамши; последний считал, что интеллектуалы утаивают свою роль – воспроизводство политического строя, государства, во многих случаях выступают “сторожевыми псами” существующего порядка. Однако хотя М. Буравой и ощутил влияние Грамши, все же, отмечает М. Веверка, в действительности он так резко, как может показаться, не разделяет профессиональную и публичную социологии, поскольку первая из них обеспечивает легитимность и экспертность второй.

Сам Веверка, во-первых, является сторонником тесной взаимосвязи всех четырех выделенных Буравым социологий; во-вторых, подчеркивает различие конкретных задач социологов разных стран в конкретной исторической ситуации; в-третьих, выделяет два основных способа интеракции социолога с публикой в рамках публичной социологии (дискуссии и демонстрация знаний); в-четвертых, приветствует замысел еще одного известного французского социолога Алена Турена касательно необходимости “социологической интервенции” в общество [27]. Творчески развивая эту идею, наши зарубежные коллеги уже сформировали закон о напряженности такого рода интервенции: чем менее развито общество, тем сильнее должна быть эта социологическая интервенция, и наоборот. Нам, украинским социологам, следовало бы прислушаться к этим словам.

В заключение этой части своего выступления, рискуя вызвать неудовольствие своих коллег, собравшихся на первый в истории Социологической ассоциации Украины конгресс, все же хочу высказать свое мнение о современной украинской социологии. Следуя логике вышеприведенных высказываний, украинскую социологию в целом можно считать периферийной, с доминирующей ролью прикладной социологии. Другими словами, в ней более широко представлена инструментальная ориентация при недостаточной развитости ориентации рефлексивной. Украинская социология в общем и целом остается все еще контейнерной теорией общества в национально-государственных границах, внутри которой обращенность к проблематике глобальных трансформаций является спорадической, ограниченной фиксированием амбивалентных и несформированных представлений касательно нее либо ее акторов в массовом сознании простых украинцев. Голос нашей социологии едва уловим и едва

слышен в социальном хоре нашей страны, остро нуждающейся в грамотных и мощных социологических интервенциях.

Среди моих аргументов – практическое отсутствие дебатов по поводу социологии глобализации на страницах нашей социологической периодики (за исключением центрального издания, да и то лишь в последнее время) и на внутренних конференциях. Как результат, имеем архаично-традиционную “контейнерную” структуру наших учебников и пособий по социологии, а также преподаваемых в вузах Украины социологических предметов.

В этой ситуации следует задуматься над разнообразием методологического инструментария осмысления изменений в современном мире как целостности, а также соответствующего расширения традиционного предметного поля социологии с включением в него глобализационной составляющей.

Для отечественных социологов среди основных задач представляется возможным выделить и предложить для обсуждения следующие сюжетные линии:

- специфика исследования глобализационных процессов в границах социологии, выделение и маркировка ее предметного поля, установление междисциплинарных точек соприкосновения или даже общих сегментов переплетения исследовательских интересов представителей социогуманитарных наук с сохранением предметного ядра каждой из них;
- пути развития многообразия исследовательских теоретических моделей изучения процессов глобальных трансформаций внутри самой социологии, отражающих их разнообразие, многоаспектность и множественность измерений;
- необходимость разработки методологических и методических аспектов эмпирических исследований глобализационных процессов и их социальных последствий и для стран мира, и для Украины, активизация участия в международных проектах и как исполнителей, и как соавторов технологий социологического анализа реалий, характерных постсоветским обществам;
- целесообразность и мотивированность использования количественных и качественных методик в эмпирических исследованиях. Качественные методы в большей мере отвечают характеру отражения глобализационных процессов в массовом сознании на уровне нечетких и размытых представлений, состояний тревожности или страха, а возможно, и эйфории и других наполовину рациональных, наполовину иррациональных мыслительных и внесознательных образований; возможность использования синтезированных количественно-качественных методик анализа¹⁰;
- потребность активизации научных дискуссий и обсуждений в разнообразных сферах общественной жизни и т.д.

¹⁰ В этом плане отдельно следует выделить статью В. Середы, посвященную методике исследования повседневности - см.: [28].

Иными словами, используя терминологию У. Бека, уже сегодня нам следует задуматься над тем, какие основные гипотезы и образы социального мира и какие приемы его анализа будут в состоянии заменить национально-государственную аксиоматику контейнерных теорий общества. Хочется также призвать коллег к развитию публичной социологии с ее возрастающей социальной ролью в посткоммунистических обществах. Тот или иной выбор трактовки глобализации в социологической науке детерминирует соответствующие информативные, коммуникативные, просветительские, проективные и т.д. векторы приложения усилий социологов и характер их отношений с властными структурами, местным самоуправлением и общественностью в целом.

В заключение хочу высказать свое твердое убеждение, что потенциал нашей украинской социологии достаточно силен и ей вполне по силам как создание нового типа теоретизирования касательно собственного общества (смею утверждать, что нашим коллегам из дальнего западного и восточного зарубежья это не удалось), так и полноправное участие в мировых социологических дискуссиях.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. – М.: Экономика, 2004. – С. 81.
2. Смелзер Н. Проблеми соціології. Георг-Зіммелівські лекції. - Львів: Кальварія, 2003. – С. 114.
3. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS (Теория и история экономических и социальных институтов). - Т. 1. Вып. 1. - 1993. - С. 65-67.
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 50.
5. Зборовский Г.Е. Метaparадигмальная модель теоретической социологии // СОЦИС. – 2008. - № 4. – С.3-15.
6. Цимбал Т. Образы соціального порядку в сучасних теоріях глобалізації. – Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата соціолог. наук. – К.: КНУ, 2009. – 16 с.
7. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. – СПб.: “Владимир Даль”, 2002. – С. 11.
8. Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. – С. 439.
9. Там же. – С.425.
10. Штомпка П. Доверие в эпоху глобализации (эскиз проблематики) // Социология (Минск, БГУ). – 2007. – № 3. - С.55.
11. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – С. 39.
12. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: “Весь мир”, 2004. – 120 с.

- 13.Пріс Л. Руйнування соціального і географічного простору. Міграція між США та Мексикою і виникнення транснаціональних соціальних просторів // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика: Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укл. І. Кононов, В. Бородачів, Д. Топольськов. – Луганськ, 2002. – С. 374.
- 14.Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004. – С. 93-99.
- 15.Степаненко В. Глобальне громадянське суспільство: концептуалізація та посткомуністичні варіації // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2005. - № 2. – С. 156-175.
- 16.Drucker, P.F. Management Challenges for the XXIst Century. – New York: Harper Business, 1999.
- 17.Бурлачук В. Образ влади в сучасних теоріях глобалізації // Теорія, методи, маркетинг. – 2009. - № 3. – С. 61.
- 18.Кутуєв П. Подорож на Схід: переОРІЄНТація сучасного соціологічного дискурсу. К.: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. – С. 36.
- 19.Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? // СОЦИС. – 2009. - № 1. – С. 9.
- 20.Филиппов А.Ф. Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса // Теннис Ф. Общность и общество. – С. 445.
- 21.Цит. за: Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? // СОЦИС. – 2009. - № 4. – С.14.
- 22.Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев // СОЦИС. – С. 14-15.
- 23.Там же. – С.19-20.
- 24.Буравой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // СОЦИС. – 2009. - № 4. – С.8.
- 25.Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев // СОЦИС. – 2009. - № 4. – С. 14.
- 26.Там же. – С. 16-17.
- 27.Веверка М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого “Что делать?” // СОЦИС. – 2009. - № 4. – С.9-13.
- 28.Середа В.В. Один день із життя українського соціуму (за результатами застосування методики дослідження повсякденних подій, запропонованої Н.В. Паніною // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. - № 3. – С. 5-23.